

резкими полемическими нападками. А это неизбежно приводило к нарушению строгого стилистического единства. В риторический склад речи прорывались разговорные интонации, высокая лексика смешивалась с просторечием.

Литературные противники Ломоносова не раз укоряли его в нарушении стиля, в засорении литературного языка «холомогорским наречием». Сохранилась черновая запись Ломоносова, содержащая замечания, которые, очевидно, были сделаны критиками по поводу его «Российской грамматики»: «1. Диалект северный. 2. Штиль разный. 3. Недостаток лексикона» (VII, 851).

В примечаниях к «Российской грамматике» в академическом издании сочинений Ломоносова справедливо говорится, что «формально такой упрек был основателен: „высокий стиль“ посвящения, первого и некоторых других параграфов заметно отличается от стиля остальных, особенно тех, где Ломоносов с кем-нибудь полемизирует (см., например, §§ 88, 119 и др.). Так можно понять слова „штиль разный“» (VII, 851). Действительно, в указанных параграфах находим слова и выражения, явно не подходящие для среднего стиля: «Вновь вымышленные или, справедливее сказать, старое „е“, на другую сторону обороченное, в российском языке не нужно» (VII, 422); «... для чужестранных выговоров вымышлять новые буквы весьма негодное дело, когда и для своих разных произношений нередко одною *пронимаемся*» (VII, 422).

Подобного рода нарушения единства стиля неоднократно встречаются и во многих других сочинениях Ломоносова. В «Письме о правилах российского стихотворства», полемизируя против искусственного ограничения русского стихосложения различными правилами, не соответствующими характеру русского языка, Ломоносов охотно прибегает к грубоватому просторечию, к народной фразеологии, отчего его слог приобретает какую-то особую энергию и насмешливую силу:

«Не знаю, чего бы ради иного наши гексаметры и все другие стихи... так *запереть*, чтобы они ни больше, ни меньше определенного числа слогов не имели» (VII, 12); «*Французы... надеясь на свою фантазию, а не на правила, толь криво и косо в своих стихах слова склеивают, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя. И хотя они, так же как и немцы, могли бы стопы употреблять, что сама природа иногда им в рот кладет... однако нежные те господа, на то несмотря, почти одними рифмами себя довольствуют. Пристойным весьма символом французскую поэзию некто изобразил, представив оную на театре под видом некоторыя женщины, что, сугорбившись и раскарячившись, при музыке играющего на скрипиче сатира танцует*» (VII, 13); «То для чего нам оное богатство пренебрегать, без всякия причины самовольную нищету терпеть и только одними женскими *побрякивать*, а мужеских бод-